

ПИСЬМО
комментирует
специалист

ШУМЯТ В ТЕАТРЕ ДЕТИ

Вчера была в тюз, и поведение ребят в зале оставило тягостное впечатление. Пьеса «Остановите Малахова!» поднимает серьезные, важные проблемы, зрители же, подростки тринадцати — пятнадцати лет, чуть не каждую реплику встречали хохотом, перебегали с места на место, громко разговаривали. И учителя, и работники театра пытались навести порядок, но стоило одних выдворить из зала, безоб-

разничать начинали другие. В чем же дело! Может, ребята еще не доросли до театра, и его искусство им непонятно! Или их не научили вести себя как следует!

Я прошу не указывать в газете тюз, в котором это произошло. Мне кажется, театр здесь не виноват.

В. СУЛИМОВА,
инженер.

Это письмо мы показали главному режиссеру Астраханского театра юного зрителя имени 50-летия ВЛКСМ Юрию Владимировичу Козеткову и попросили прокомментировать его.

— К сожалению, рассказанное в письме — явление не уникальное. Однако, мне думается, инженер В. Сулимова не права, снимая с театра всякую ответственность за шум в зале. Если зритель не воспринимает спектакль, если возникает разобщенность между артистами и залом, причины надо прежде всего искать в самом театре.

У тюза много общего со взрослым драматическим театром. Но громадная разница в зрительской аудитории. Если во взрослый театр идут люди, соответственно настроенные, достаточно подготовленные к восприятию сценического действия, то в тюзы попадает еще неопытная публика. Часто дети приходят в театр всем классом после уроков, живущие той стихией, которая окружала их в школе. Мы должны заразить ребят волшебным миром театра, раскрыть перед ними его чудо. За один спектакль этого не сделаешь. В театре дошколята, уче-

ники младших классов. Они еще робко держатся за мамину сумку и смотрят широко открытыми глазами на все, в том числе и на сцену. Это очень добрый возраст. Девочки тайком носят в портфелях кукол, мальчики — солдатиков. Что бы им ни показывали со сцены, будь то «Айболит» или «Сказка о царе Салтане», они все воспринимают «взаправду». Маленький зритель — самый благодарный. Когда дети хорошо кричат Иванушке, где спряталась Баба-Яга, этот шум артистам дороже всяких аплодисментов. Но так ли легко работать со зрительями младшего возраста? Не сказал бы.

Я заметил, что дети лучше смотрят сказки, уже известные. Сколько радости царит в зале, когда идет, например, «Винни Пух»! И нельзя не почувствовать, как гаснет восторг, когда на сцене незнакомая сказка. Это и понятно. На ребенка обрушивается шквал впечатлений: новая обстановка, яркие декорации, волшебные превращения. Он просто не успевает следить за сюжетом. А не понял что-то, ему уже и неинтересно. Мне кажется, прежде чем вести детей в те-

атр, родителям, учителям надо хотя бы немного рассказать, какую сказку и о чем предстоит им смотреть.

После четвертого класса начинается самый трудный возраст. Эти ребята и фантазеры, и скептики. Они уже задумываются над жизнью. Наша задача — увлечь их спектаклем необузданной фантазии и энергии, свойственной их возрасту. Эти зрители охотно смотрят «Принца и нищего», «Бей, барабан!». С ними, главное, не сфальшивить. Подростки ненавидят мораль в чистом виде. И если со сцены прозвучит хоть одна нравучительная нота, можно считать, спектакль провалился. И наоборот, если на сцене решаются вопросы, которые волнуют самого подростка, если театр доверит ему серьезный разговор, то и в зале установится порядок.

В работе с ребятами этого возраста есть и другая трудность. Многие из них плохо воспринимают условный мир театра. «А сабля — не настоящая», — скажет в антракте какой-нибудь одиннадцатилетний скептик, и для него, а может, и для его друзей спектакль потеряет всякий интерес. С самого ранне-

го возраста дети воспитаны «достоверностью» телевидения, кино. И вдруг — фанерная сабля, картонный щит... Как важно ненавязчиво, но в то же время доступно рассказать подростку о природе театрального искусства — условности оформления, сценических метафорах.

Старшеклассники воспринимают любую сложную форму спектакля. В этом плане работать с ними, конечно, легче.

Но даже тогда, когда вроде бы школьники знают, «как вести себя в театре», «понимают его», их все равно легко потерять как зрителей. Они уйдут, если театр не станет рупором их мыслей, если они не получат от него ответов на волнующие их жгучие вопросы. Сейчас многие пьесы — «Думая о нем», «Остановите Малахова!» — построены на открытом публицистическом разговоре. Тут нельзя допускать кокетства с залом. Говорить надо — только на равных. И, кто знает, возможно, причина неуспеха спектакля «Остановите Малахова!», о котором пишет В. Сулимова, кроется как раз в том, что режиссер и актеры не сумели найти с подростками общего языка, не приняли всерьез их проблем.

Конечно, не выходя из стен театра, встречаясь со зрителями только на спектакле, нельзя почувствовать ни релакса жизни наших юных зрителей, ни их «болевых точек». Чтобы понять подростков, мы нередко устраи-

ваем обсуждения спектаклей сразу после просмотра. Такие встречи обогащают взаимно. Часто бываем в школах, устраиваем встречи учеников с актерами, режиссерами, художниками. Стремимся мы и расширять контакты с людьми, которые наиболее часто сталкиваются с проблемами подростков: учителями, директорами школ, работниками детской комнаты милиции.

Вот я начал со слов «театр виноват», «театр должен», «театр обязан». Все правильно. Но один, сами по себе мы не так-то много можем. Нам тоже нужна поддержка со стороны родителей, учителей.

Но, что греха таить, подчас и с самими педагогами мы не находим взаимопонимания. Некоторые из них смотрят на театр как всего лишь на «дополнительный материал» по теме, предусмотренной школьной программой. А ведь театр не наглядное пособие и не иллюстрация к пьесе, он такой же равноправный учебник жизни, как семья, школа.

Дети шумят в театре... Почему? Причин много. И выделить какую-либо одну трудно. Так же, как невозможно прописать лекарство от этого. Ясно только одно: всем нам — режиссерам, актерам, учителям, родителям — надо помочь юному зрителю найти дорогу в волшебный мир прекрасного.

Беседу записала
Н. РУСАКОВА.